

Личность автора научного текста с позиций отправителя и получателя текста

Ирина И. Бакланова

*Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Москва, Россия, ibaklanova@yandex.ru*

Аннотация. Предметом статьи являются языковые средства отражения в научном тексте личности его автора с точки зрения, во-первых, коммуникативных интенций автора, а во-вторых, восприятия реципиентом этого текста. В качестве теоретической основы исследования использованы наблюдения М.Ю. Федосюка о различных видах имплицитной информации. На основе так называемой «подтекстовой» имплицитной информации, т. е. информации, передача которой являлась частью скрытых коммуникативных намерений отправителя текста, может быть выведен «интенциональный» образ автора. На основе так называемой «притекстовой» имплицитной информации, т. е. информации, передача которой не входила в коммуникативные намерения отправителя текста, может быть выведен «перцептивный» образ автора. Кроме того, в качестве основы для определения степени объективности построения текста использовалась типология точек зрения наблюдателя, разработанная Б.А Успенским. Также в статье рассматривается степень объективности построения научного текста. Показано, что образ автора научного текста, раскрываемый в плане коммуникативных интенций отправителя текста, и образ автора, воспринимаемый его реципиентом, могут не совпадать. В результате анализа установлено, что совпадение интенционального и перцептивного образов автора свидетельствует об объективности построения текста, несовпадение – о его субъективности.

Ключевые слова: научный текст, образ автора, имплицитная информация, коммуникативные намерения отправителя, точка зрения наблюдателя

Для цитирования: Бакланова И.И. Личность автора научного текста с позиций отправителя и получателя // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 253–265. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-253-265

The identity of the author of a scientific text from the perspective of the sender and recipient

Irina I. Baklanova

*National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia,
ibaklanova@yandex.ru*

Abstract. The subject of the article is the linguistic means of reflecting in a scientific text the personality of its author in terms of, firstly, the communicative intentions of the author, and secondly, the perception of the recipient of this text. The article also considers the degree of objectivity in the construction of a scientific text. It is shown that the image of the author of a scientific text, revealed in terms of the communicative intentions of the sender of the text, and the image of the author, perceived by its recipient, may not coincide. As a theoretical basis of the study, the observations of M.Yu. Fedosyuk about different types of implicit information were used. On the basis of so-called “subtext” implicit information, i.e. information, the transmission of which was a part of the hidden communicative intentions of the sender of the text, the so-called “intentional” image of the author can be deduced. On the basis of so-called “non-text” implicit information, i.e. information, the transmission of which was not included in the communicative intentions of the sender of the text, the “perceptual” image of the author can be deduced. In addition, as a basis for determining the degree of objectivity of the construction of the text the typology of the observer’s points of view, developed by B.A. Uspensky, was used. As a result of the analysis, it was found that the coincidence of the intentional and perceptual images of the author testifies to the objectivity of the construction of the text, the discrepancy – to its subjectivity.

Keywords: scientific text, image of the author, implicit information, communicative intentions of the sender, point of view of the observer

For citation: Baklanova, I.I. (2022), “The identity of the author of a scientific text from the perspective of the sender and recipient”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 2, pp. 253–265, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-253-265

Над отражением образа автора в художественном тексте ученые задумались почти сто лет назад, в начале XX в. [Бахтин 1996; Виноградов 1971; Виноградов 1980]. Этот факт определил одно из направлений лингвистики почти на целое столетие [Арутюнова 1988; Дейк ван 1989; Долинин 1985; Корман 1992; Кухаренко 1988; Шмид 2003]. Позднее, в начале XXI в., лингви-

сты обратились к изучению образа автора нехудожественного текста: мемуарного, публицистического, рекламного, научного и т. п. [Бакланова 2014; Формановская 1998; Каминская 2017; Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011; Мустайоки 2011; Шмелева 1997].

Цель данной статьи – рассмотреть лингвистические способы определения имплицитно отраженного в научном тексте образа его автора и источники информации о степени объективности построения научного текста.

Не секрет, что в сознании человека, который внимательно знакомится с каким-либо научным текстом, невольно складывается представление об авторе этого текста: о системе его ценностей, о его языковой личности, о степени стремления быть понятным адресату и т. д. Однако нередко текст позволяет внимательному читателю увидеть, что лицо, которое автор желает запечатлеть в тексте, не совпадает с тем лицом, которое видит в тексте его получатель [Бакланова 2014; Бакланова 2020].

Основой определения в тексте образа автора может служить типология точек зрения наблюдателя в повествовании, разработанная применительно к художественным текстам Б.А. Успенским [Успенский 1995]. Б.А. Успенский выделил четыре аспекта текста, в которых отражаются точки зрения наблюдателя, с позиций которого ведется изложение. Это «план идеологии», «план фразеологии», «план пространственно-временной характеристики» и «план психологии». «План идеологии» отражает принадлежащие наблюдателю оценки излагаемого; «план фразеологии» отражает свойственные наблюдателю языковые элементы; «план пространственно-временной характеристики» отражает местонахождение в пространстве наблюдателя; «план психологии» показывает проявления внутреннего состояния наблюдателя.

Поскольку в нехудожественных текстах тоже есть повествователь, логично предположить, что образ повествователя отражается в них примерно в тех же аспектах, которые были выявлены Б.А. Успенским. При этом применительно к нехудожественным текстам терминологию Б.А. Успенского представляется целесообразным скорректировать: план идеологии называть планом оценки, план фразеологии – планом выбора языковых средств, план пространственно-временной характеристики – планом фактуальной информации (в соответствии с термином И.Р. Гальперина) [Гальперин 1981, с. 26], а название плана психологии оставить без изменения. Заметим, что в силу установки научного текста на объективность изложения образ его автора на основании плана психологии, как правило, не выводится [Бакланова 2014].

Кроме того, основой для определения в научном тексте образа его автора является имплицитная информация [Бакланова 2014]. М.Ю. Федосюк определяет имплицитное содержание как «такое содержание, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения» [Федосюк 2012, с. 159]. Как отмечает И.В. Арнольд, имплицитная информация – это «дополнительный подразумеваемый смысл, т. е. вид подразумевания, основанный на синтагматических связях соположения элементов antecedenta. Она может передавать не только предметно-логическую, но и субъективно-оценочную и эмоциональную информацию, ограничена рамками микроконтекста, что на композиционном уровне соответствует преимущественно эпизоду, восстанавливается вариативно, рематична, принадлежит конкретному тексту и постоянно сочетается с другими видами подразумевания», поэтому получатель текста интерпретирует текст, «синтезируя то, что находит в тексте, с тем, что имеет в собственном читательском и жизненном опыте» [Арнольд 2010, с. 87–88]. Н.С. Валгина считает, что «читатель может подчас извлечь из текста, да и из отдельного высказывания, гораздо больше информации, чем предполагал вложить в него автор, в частности информацию о самом авторе» [Валгина 2003, с. 246].

Извлечение из текста его получателем информации происходит в форме импликаций. «Импликации (от лат. *implicatio* ‘вплетение’) или, в другой терминологии, следствия – это такие сообщения, которые выводятся получателем из содержания текста или его компонентов» [Федосюк 2012, с. 164]. Описание механизма выведения импликаций дает В.А. Звегинцев: «В каждом конкретном случае непосредственного восприятия объекта он соотносится с хранимой в памяти моделью данного объекта, и таким образом получается добавочная информация, исходящая от характеристик модели. Следовательно, интеллектуальное восприятие объекта (т. е. его осознанное восприятие, выходящее за пределы собственно чувственного) приобретает специфическую двуслойность, когда к непосредственно воспринимаемой информации, заключенной в “поверхностной” структуре объекта, приплюсовывается иная, скрытая, исходящая из модели данного объекта информация» [Звегинцев 1976, с. 298].

Говоря о выведении импликаций, нельзя не отметить, что «каждый читатель реконструирует предложенную автором модель мира несколько по-своему, в особом, его собственном варианте, синтезируя то, что находит в тексте, с тем, что имеет в собственном читательском и жизненном опыте» [Арнольд 2010, с. 88]. Кроме

того, анализируя образ автора, следует иметь в виду, что это только образ, а не конкретный человек. В. Шмид писал, что конкретный автор – «это реальная, историческая личность, создатель произведения. К самому произведению он не принадлежит, а существует независимо от него. Лев Толстой существовал бы, конечно же (хотя, наверно, не в нашем сознании), даже если бы он ни одной строки не написал» [Шмид 2003, с. 41].

Помимо сказанного, важно подчеркнуть, что «имплицитное содержание может находиться в разных отношениях к коммуникативным намерениям отправителя текста, т. е. к тому содержанию, которое стремится передать этот отправитель» [Федосюк 2012, с. 159]. В частности М.Ю. Федосюк выделяет подтекстовое и притекстовое имплицитное содержание.

«Подтекстовое имплицитное содержание – это имплицитное содержание, передача которого входит в скрытые коммуникативные намерения отправителя текста. Подтекстовое содержание передается в таких контекстно-ситуативных условиях, которые не требуют обязательного его восприятия, но в то же время содержат определенные свидетельства о том, что передача этого содержания была запланирована отправителем» [Федосюк 2012, с. 159]. Подтекстовое имплицитное содержание лежит в основе определения того образа автора, который соответствует интенциям отправителя текста и который поэтому можно назвать интенциональным образом автора [Бакланова 2014; Бакланова 2020].

«Притекстовое имплицитное содержание – это имплицитное содержание, которое может быть выведено из текста, хотя его передача и не входила в коммуникативные намерения отправителя. Рассматриваемое содержание передается в таких контекстно-ситуативных условиях, которые не только не требуют его обязательного восприятия, но и не свидетельствуют о том, что такое восприятие входило в коммуникативные намерения отправителя» [Федосюк 2012, с. 160]. Притекстовое имплицитное содержание лежит в основе того образа автора, передача которого не входит в коммуникативные намерения отправителя текста и который вопреки им логически определяется читателем. Назовем его перцептивным образом автора [Бакланова 2014; Бакланова 2020].

Из сказанного следует, что образ автора, сознательно создаваемый отправителем научного текста, может не совпадать с образом автора, определяемым в тексте в соответствии с имеющимися представлениями в сознании получателя. Эти несовпадения могут вытекать из импликаций об образе автора, выводимых на основании высказанных автором оценок, употребленных им языковых средств и предлагаемых читателю фактов.

Перейдем к рассмотрению случаев проявления в научном тексте интенционального (далее – ИОА) и перцептивного (далее – ПОА) образов авторов. Источником рассмотрения стали тексты из сборника статей «Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология» [Базылев, Нерознак 2001]. В дополнение к ссылкам на эти тексты в круглых скобках мы будем указывать авторов текстов и год первой публикации текста.

Обращение к текстам почти столетней давности позволяет давать оценки, не вызывающие сомнений, поскольку отношение к тому периоду развития лингвистики уже устоялось. Отметим, что оценивание имплицитной информации, не входившей в коммуникативные намерения отправителя текста, мы будем проводить с точки зрения современников анализируемых текстов.

1. Определение ИОА и ПОА с точки зрения высказанных автором оценок

1.1. «С “марксистскими” клятвами, под соусом без толку и разбору надерганных цитат они <члены группы “Языковедный фронт”> протаскивают обветшалые отрепья индоевропеизма в теорию и практику языкознания. Боевыми рыцарями формализма, этого главнейшего врага марксистской науки, выступают и “вожди” эсперантистов Э. Дрезен и Спиридович» (Горбаченко, Синельникова и Шуб, 1932) [Базылев, Нерознак 2001, с. 156].

Как видно, в тексте высказаны следующие оценки: 1) Э. Дрезен и Е. Спиридович не разбираются в марксизме; 2) цитаты в тексте Э. Дрезена и Е. Спиридовича надерганы без толку и без разбору; 3) индоевропеизм безнадежно устарел; 4) Э. Дрезен и Е. Спиридович тайно проводят в жизнь свои сомнительные идеи; 5) Э. Дрезен и Е. Спиридович прикрываются марксизмом.

ИОА: все перечисленные оценки указывают на интенции авторов текста продемонстрировать свою языковедческую и идеологическую компетентность, принципиальность, приверженность марксизму, неприятие индоевропеизма, негативное отношение к эсперантистскому движению, умение видеть идеологические ошибки коллег.

ПОА: в то же время получатель текста имеет основания увидеть, что оценки лишены аргументации – авторы не объясняют, почему считают клятвы немарксистскими; почему цитаты называют надерганными, к тому же надерганными без толку и без разбору; почему полагают, что эти цитаты создают «соус» для протаскивания; чем обуславливают именно протаскивание идей, а не, например, прове-

дение, предложение, показ и т. д.; почему считают, что от индоевропеизма остались лишь отрепья; почему Э. Дрезен и Е. Спиридович являются боевыми рыцарями формализма и мнимыми вождями эсперантистов. На основании сказанного получатель этого текста с точки зрения квалифицированного лингвиста может заключить, что авторы научно несостоятельны и не владеют методами содержательного анализа научного текста.

Несовпадение ИОА и ПОА указывает на субъективность построения текста.

1.2. «Языковые стадии, по намеченному Н.Я. Марром пути, *требуют выявления их на самом материале*. Но, опираясь на лингвистический материал, приходится излагать и его формальную сторону, и его динамику, прослеживаемую в той же формальной стороне. При этом *анализ формы, в заданиях выявления ее историзма, нуждается в неоднократных сравнительных параллелях. Яфетидология, оспаривая правильность формально-сравнительного метода, вовсе не отказывается ни от изучения формы, ни от сравнительного подхода, перестраивая его на сравнительную палеонтологию*, то есть на сравнительное изучение формы в ее историческом движении, во взаимоотношении формы с ее социальной значимостью, и ее (содержания), что в свою очередь ведет к уяснению данного содержания сосуществующими нормами сознания» (Мещанинов, 1936) [Базылев, Нерознак 2001, с. 324].

Как видно, рассуждая о языковых стадиях Н.Я. Марра, автор высказывает следующие оценки: 1) языковые стадии требуют выявления их на самом материале; 2) анализ формы нуждается в сравнительных параллелях; 3) яфетидология не отказывается ни от изучения формы, ни от сравнительного подхода.

ИОА: из сказанного следует, что в интенции отправителя текста входит сообщение о том, что яфетидология не отказывается ни от изучения формы, ни от сравнительного подхода. Автор аргументирует свои соображения тем, что яфетидология перестраивает сравнительный метод на сравнительное изучение формы в ее историческом движении, во взаимоотношении формы с ее социальной значимостью, и ее содержания, что ведет к уяснению данного содержания сосуществующими нормами сознания.

ПОА: получатель текста, опираясь на тезисы и аргументы, имеет все основания принять то, что намеревался сказать его отправитель, и составить представление об авторе текста как о компетентном ученом.

Таким образом, ИОА и ПОА текста совпадают, что говорит об объективности построения текста.

2. Определение ИОА и ПОА с точки зрения использованных отправителем текста языковых средств

2.1. «Под напором новых методов ряды этого направления все более *редуют*, особенно в части *научного молодняка*. Однако *борьба предстоит* еще *упорная*. Год тому назад *языковедные мракобесы* организовались в особое “Лингвистическое общество” во главе с Л.В. Щербой. С направлением *языковедного обскурантизма* и формами их организованности у нас может быть только *борьба*» (Лоя, 1929) [Базылев, Нерознак 2001, с. 67].

Как видно, автор этого научного текста использует публицистические клише – *под напором новых методов, ряды* (приверженцев этого направления) *редуют, научный молодняк, предстоит упорная борьба, языковедные мракобесы, языковедный обскурантизм, у нас* (у всей страны) *может быть только борьба*.

ИОА: использованные отправителем языковые средства указывают на его интенции установить приоритет на критику политического характера и на идеологическую принципиальность.

ПОА: одновременно с этим получатель текста имеет основания заключить, что автор текста научно некомпетентен и не владеет методами содержательного анализа научного текста.

Несовпадение ИОА и ПОА указывает на субъективность построения текста.

2.2. «Частью же книга *де-Соссюра* формулирует положения, выдвинутые в современных учениях *по теории лингвистики*. Так, *учение о слове*, как о произвольном знаке, мы находим у *A. Marty*, который выступает с резкой критикой *Штейнталева натовизма; учение о языке*, как о над-индивидуальном, общем факте, подробно развито у *Dittrich'a*; наконец, новейшие учения о языке, как о “*внутренней форме*”, настаивают на формальном характере языка, на том, что язык есть некоторое отношение. Но именно то, что книга Соссюра представляет до известной степени итог новейших исканий в лингвистике, то, что эти воззрения нашли в ней систематическое и легко понятное выражение, делает ее особенно ценной. Аналогия с *Mémoire sur le système primitif des voyelles* напрашивается невольно: как первый, так и последний труд гениального ученого подводит итоги одной научной эпохе и открывает другую» (Шор, 1926) [Базылев, Нерознак 2001, с. 52–53].

Как видно, в данном научном тексте его автор использует лингвистические термины – *теория лингвистики, учение о слове, произвольный знак, Штейнталевский натовизм, учение о языке, внутренняя форма* (языка); имена зарубежных лингвистов –

Х. Штейнталь, Ф. де Соссюр, А. Марти, Дитрих (в графике родных языков ученых); исследование на французском языке – *Mémoire sur le système primitif des voyelles*.

ИОА: использованные автором текста языковые средства свидетельствуют о его интенции охарактеризовать книгу Ф. де Соссюра профессионально, не отклоняясь от научного стиля.

ПОА: перечисленные языковые особенности текста дают его получателю возможность понять то же самое, что намеревался сказать его отправитель, и составить представление об авторе текста как о компетентном, эрудированном лингвисте.

Таким образом, ИОА и ПОА текста совпадают, что говорит об объективности построения текста.

3. *Определение ИОА и ПОА с точки зрения фактуальной информации*

3.1. *«Неясное представление о разнице между переходным периодом и социализмом, о котором т. Сталин говорит, что “социализм есть переход от общества с диктатурой пролетариата к обществу безгосударственному”, сочетается у Е. Спиридовича с механической аналогией развития языка общества. В такой постановке язык оказывается оторванной от классового общественного сознания самостоятельной категорией, развитие которой будет, очевидно, механически копировать ход развития общественно-экономической формации.*

Конечно, подобная “концепция” не имеет ничего общего с действительностью, а следовательно, и с марксизмом» (Горбаченко, Синельникова и Шуб, 1932) [Базылев, Нерознак 2001, с. 162].

Как видно, текст несет информацию о следующих фактах: 1) авторы текста знают учение И.В. Сталина о переходном периоде к социализму; 2) авторы текста уверены в том, что язык не оторван от классового общественного сознания; 3) авторы текста убеждены в том, что марксизм – это объект отражения действительности.

ИОА: отражение в тексте данных фактов демонстрирует интенции авторов показать себя принципиальными марксистами, непримиримыми к нарушениям в работах коллег.

ПОА: вместе с тем получатель текста имеет основания увидеть, что авторы текста, критикуя коллегу не с лингвистической, а с идеологической точки зрения, проявляют научную некомпетентность и невладение методами содержательного анализа научного текста.

Таким образом, несовпадение ИОА и ПОА дает основание утверждать, что построение текста субъективно.

3.2. «Термин “притяжательный”, как известно, есть перевод термина греческих грамматиков *χητηχός*, находящегося в связи с глаголом *χτáομαι* ‘приобретаю, владею’, передаваемым в древнейшем славянском (южнославянском) переводе евангелия IX века посредством *priteza*, откуда и термин наших грамматик» (Долобко, 1935) [Базылев, Нерознак 2001, с. 355].

Как видно, автор, опираясь на греческие примеры и историю формирования русского литературного языка, объясняет природу возникновения термина «притяжательный».

ИОА: приведенные автором факты свидетельствуют о его интенциях продемонстрировать свою эрудицию, научную компетенцию и умение аргументировать.

ПОА: то же самое может заключить и получатель текста.

Таким образом, ИОА и ПОА текста совпадают, что говорит об объективности его построения.

Подводя итоги и характеризуя результаты целей, которые были поставлены в начале статьи, можно сказать следующее.

1. ИмPLICITно отраженный образ автора является важной категорией содержания любого текста, в том числе и научного.

2. Способами определения имPLICITно отраженного в научном тексте образа его автора является соотнесение получателем текста авторских оценок, выбранных языковых средств и фактов с контекстом, ситуацией использования и жизненным опытом получателя текста.

3. Важно различать образ автора, базирующийся на подтекстовой имPLICITной информации, передача которой входит в скрытые коммуникативные намерения отправителя текста, и перцептивный образ автора, базирующийся на притекстовой имPLICITной информации, передача которой не входит в коммуникативные намерения отправителя текста.

4. Степень совпадения интенционального и перцептивного образов автора определяет степень объективности построения текста: совпадающие интенциональный и перцептивный образы автора свидетельствуют об объективности построения научного текста; несовпадающие – о субъективности его построения.

Литература

- Арнольд 2010 – *Арнольд И.В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 77–92.
- Арутюнова 1988 – *Арутюнова Н.Д.* Прагматика и проблемы интенциональности. М.: ИНИОН, 1988. 301 с.

- Базылев, Нерознак 2001 – Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания. Антология / Сост. и коммент. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака; под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. 576 с.
- Бакланова 2014 – *Бакланова И.И.* Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: Монография. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2014. 272 с.
- Бакланова 2020 – *Бакланова И.* Образ автора научного текста как предмет имагологии (The image of the author of a scientific text as a subject of imagology) // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2020. № 10/2. S. 385–394.
- Бахтин 1996 – *Бахтин М.М.* Язык в художественной литературе // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 287–297.
- Валгина 2003 – *Валгина Н.С.* Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
- Виноградов 1971 – *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 233 с.
- Виноградов 1980 – *Виноградов В.В.* О художественной прозе // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 55–175.
- Гальперин 1981 – *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
- Дейк ван 1989 – *Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
- Долинин 1985 – *Долинин К.А.* Интерпретация текста: Французский язык. М.: Просвещение, 1985. 288 с.
- Звегинцев 1976 – *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 307 с.
- Каминская 2017 – *Каминская Т.Л.* Экспликация ценностей в российском медиадискурсе: колумнист и адресат // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2017. Vol. 8/2. S. 367–375.
- Корман 1992 – *Корман Б.О.* Проблема автора в художественной литературе. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. 134 с.
- Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011 – *Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В.* Идиостилика научной речи: Наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь: ЗУИЭП, 2011. 393 с.
- Кухаренко 1988 – *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
- Мустайоки 2011 – *Мустайоки А.* Причины коммуникативных неудач: попытка общей теории // *Русский язык за рубежом*. 2011. № 4. С. 76–86.
- Успенский 1995 – *Успенский Б.А.* Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 9–218.
- Федосюк 2012 – *Федосюк М.Ю.* Синтаксис современного русского языка: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2012. 245 с.
- Формановская 1998 – *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1998. 292 с.

- Шмелева 1997 – Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
- Шмид 2003 – Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

References

- Arnol'd, I.V. (2010), "Implication as a technique for constructing a text and a subject of philological study", in Arnol'd, I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality], Knizhnyj dom "LIBROKOM", Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (1988), *Pragmatika i problemy intencional'nosti* [Pragmatics and problems of intentionality], INION, Moscow, Russia.
- Bazylev, V.N. and Neroznak, V.P. (eds.) (2001), *Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo yazykoznanija* [Twilight of linguistics. From the history of Russian linguistics], Academia, Moscow, Russia.
- Baklanova, I.I. (2014), *Obraz avtora i obraz adresata nekhudozhestvennogo teksta* [The image of the author and the image of the addressee of a non-fiction text], Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A.S. Pushkina, Moscow, Russia.
- Baklanova, I. (2020), "The image of the author of a scientific text as a subject of imagology", in *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. 10/2, pp. 385–394.
- Bakhtin, M.M. (1996), "Language in fiction", in Bakhtin, M.M., *Sobranie sochinenii: v 7 tomah* [Collected works: in 7 volumes], vol. 5, Russkie slovari, Moscow, Russia, pp. 287–297.
- Dejk, T.A. van (1989), *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication], Progress, Moscow, Russia.
- Dolinin, K.A. (1985), *Interpretaciya teksta: Francuzskii yazyk* [Text interpretation: French], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Fedosyuk, M.Yu. (2012), *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie* [The syntax of the modern Russian language: a study guide], Infra-M, Moscow, Russia.
- Formanovskaya, N.I. (1998), *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinic obshcheniya* [Communicative-pragmatic aspects of units of communication], Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A.S. Pushkina, Moscow, Russia.
- Gal'perin, I.R. (1981), *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research], Nauka, Moscow, Russia.
- Kaminskaya, T.L. (2017), "Explication of values in Russia media discourse: the columnist and the addressee", in *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. 8/2, pp. 367–375.
- Korman, B.O. (1992), *Problema avtora v hudozhestvennoi literature* [The author's problem in fiction], UdGU, Izhevsk, Russia.
- Kotyurova, M.P., Tihomirova, L.S. and Solov'eva, N.V. *Idiostilistika nauchnoi rechi. Nashi predstavleniya o rechevoi individual'nosti uchenogo* [Idiostylistics of scientific speech. Our ideas about the speech individuality of a scientist], ZUIEP, Perm', Russia.

- Kukharensko, V.A. (1988), *Interpretaciya teksta* [Text interpretation], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Mustajoki, A. (2011), "Reasons of failures in communication: an essay on general theory", *Russkii yazyk za rubezhom*, vol. 4, pp. 76–86.
- Shmeleva, T.V. (1997), "Speech genre model", in *Zhanry rechi*, Izdatel'stvo GosUNC "Kolledzh", Saratov, Russia, pp. 88–98.
- Schmid, V. (2003), *Narratologiya* [Narratology], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Uspensky, B.A. (1995), "Poetics in composition", in Uspensky, B.A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art], Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", Moscow, Russia, pp. 9–218.
- Valgina, N.S. (2003), *Teoriya teksta: uchebnoe posobie* [Text theory: textbook], Logos, Moscow, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1971), *O teorii hudozhestvennoi rechi* [About the theory of artistic speech], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1980), "About prose", in Vinogradov, V.V., *O yazyke hudozhestvennoi prozy* [About the language of fiction], Nauka, Moscow, Russia, pp. 55–175.
- Zvegincev, V.A. (1976), *Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi* [The sentence and its relation to language and speech], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ирина И. Бакланова, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия; 115409, Россия, Москва, Каширское шоссе, д. 31; ibaklanova@yandex.ru

Information about the author

Irina I. Baklanova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research Nuclear University MEPHI (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia; bld. 31, Kashirskoe Highway, 115409, Moscow, Russia; ibaklanova@yandex.ru